

И. А. ГОНЧАРОВ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-46-56

© Е. М. ФИЛИПОВА

«МАГНЕТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ» И «СЛЕЗЫ-ПРОВОДНИКИ»: РОМАНТИЧЕСКИЕ КЛИШЕ В ЭПИСТОЛЯРИИ И ТВОРЧЕСТВЕ И. А. ГОНЧАРОВА

Значимость биографической составляющей в творчестве неоднократно отмечал сам И. А. Гончаров¹ и подчеркивали исследователи его произведений. Одним из первых на близость художественного и жизненного опыта писателя обратил внимание Е. А. Ляцкий, назвавший «Обыкновенную историю» «мемуаром» Гончарова.² На «высокую концентрацию исповедальности гончаровского реализма» указывал Ю. М. Лоциц, анализируя образ Обломова.³ «Хронологию воспоминаний» как основной композиционный принцип романной трилогии выделяла Е. А. Краснощекова.⁴

Установлено, что эпистолярный Гончарова тесно взаимосвязан с творчеством. Так, П. Н. Сакулин, опираясь на опубликованную переписку Гончарова с Е. В. Толстой (август 1855 — октябрь 1856 года), демонстрирует, что реальные и художественные события разворачиваются для писателя последовательно: один роман Гончаров переживает сам и излагает в корреспонденции к Елизавете Васильевне, другой — творится в «форме литературного произведения во имя ее».⁵

Схожей точки зрения придерживается А. Г. Цейтлин, утверждая, что «увлечение Е. В. Толстой не прошло даром: этот роман Гончарова сильно помог ему в создании любовного сюжета „Обломова“, «интимные письма к любимой женщине как бы становились для Гончарова этюдами, изображающими персонажей романа».⁶

Определенные аналогии между развитием отношений Гончарова с Агр. Ник.⁷ и сюжетом «Обрыва» обнаруживает Л. С. Гейро: «Добрые чувства к Агр.

¹ «...действительно много личного, интимного, то есть своего, и себя самого вложено...»; «я писал только то, что переживал, что мыслил, чувствовал, что любил, что близко видел и знал, — словом, писал и свою жизнь и то, что к ней прирастало» (Гончаров И. А. *Лучше поздно, чем никогда* (Критические заметки) // Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. С. 105, 113).

² Ляцкий Е. А. Гончаров: Жизнь, личность, творчество. Стокгольм, 1920. С. 174.

³ Лоциц Ю. М. *Слушание земли*. М., 1988. С. 214.

⁴ Здесь получает развитие мысль Л. Стилмана: «...каждый из трех романов Гончарова трактует по-разному темы трех эпох жизни человека...». См. подробнее: Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997. С. 13–14.

⁵ Сакулин П. Н. Новая глава из биографии И. А. Гончарова // *Голос минувшего*. 1913. № 11. С. 56.

⁶ Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950. С. 463.

⁷ Личность Агр. Ник. достоверно не установлена. Начало знакомства Гончарова с ней относится, по-видимому, к 1868 году. О разрыве сообщается в письме С. А. Никитенко от 29 мая (10 июня) 1868 года. Подробнее об этом см.: Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко / Публ. Л. С. Гейро // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 190–191.

Ник. постепенно вытесняются подозрениями, обидами, сменяются уверенностью в том, что само появление в жизни Гончарова этой женщины инспирировано „таинственным *инкогнито*, которое, через многих других, руководит всем этим замыслом <...>“, в надежде помешать автору закончить роман, любыми способами осложнив ему жизнь. <...> Так письма романиста превращаются в исповедь смертельно обиженного, оскорбленного в своих чувствах человека. Тот же оттенок присущ и письмам Райского к Вере, его сомнениям в ее искренности, ревности героя к неизвестному избраннику Веры, в них те же попытки объясниться или мечты о таком объяснении с „невидимыми врагами“».⁸

Нельзя, однако, утверждать, что творчество Гончарова исключительно автобиографично. В некоторых случаях уместно говорить о типологической связи писем и художественных произведений, т. е. о литературных заимствованиях из третьих источников и использовании готовых стилевых формул. Отдельный интерес для исследования представляют романтические топосы, встречающиеся как в романах, так и в корреспонденции Гончарова. Свободное владение художественным романтическим контекстом в эпистолярной объясняется, по всей видимости, двумя особенностями таланта автора: во-первых, письма были наиболее удобной формой для фиксации беглых наблюдений, «этюдов» характеров, необходимых писателю для последующей работы,⁹ таким образом органично сочетали в себе документально-биографические и творческие элементы; во-вторых, несмотря на тяготение к пародированию и критическому осмыслению романтической школы, характерному для 1840-х годов, Гончаров «навсегда сохранил определенную связь с романтизмом», «широко пользовался романтической патетикой и экспрессией в стиле»,¹⁰ что, несомненно, получило отражение и в его переписке.

Особое место в художественном мире писателя занимают клише, тиражируемые в жанре светской романтической повести 1830-х годов. Среди них можно перечислить повторяющиеся мотивы любви-электричества, страсти-болезни, магнетического/гипнотического взгляда, ситуацию неравенства (будь то социальное или психологическое несоответствие, влияющее на отношения героев) и связанную с ней, основополагающую для конфликта оппозицию воли и безволия. Частично история их появления и роль в творчестве Гончарова уже рассмотрена в комментариях к Полному собранию сочинений и писем (см.: 1, 653 (прим. к повести «Счастливая ошибка»); 6, 571–572 (реальный комментарий к роману «Обломов»)), а также работах А. Г. Гродецкой.¹¹ Поэтому задачи данной статьи — дать более детальное представление о возникновении магнетических аналогий в романтической беллетристике начала XIX века, а также проанализировать схожие типологические параллели в эпистолярной Гончарова.

⁸ Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...» (Творческая история романа «Обрыв») // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 103.

⁹ Недзвецкий В. А. Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова // Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2017. Т. 15. С. 5. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

¹⁰ Пруцков Н. А. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962. С. 7.

¹¹ Гродецкая А. Г. 1) Реминисценции «Новой Элоизы» в финальных главах «Обломова» и «Что делать?» (еще о «тоске» Ольги Ильинской в «крымской» главе романа Гончарова) // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 2012–2013. Вып. 31. С. 39–50; 2) Проза И. А. Гончарова: 1830–1860-е (биографика, контекст, поэтика). Дис. ... доктора филол. наук. СПб., 2016; 3) Магнетический сеанс в «Обломове» (к проблеме исторического времени в романе) // Art Logos. 2018. № 2 (4). С. 28–34.

Мотив магнетической/электрической любви

Идея магнетизма (месмеризма) в России стала широко известна в 1810–1830-х годах. Свое название явление получило по имени открывшего его австрийского врача Ф. Месмера. Ученый полагал, что все небесные тела, животные и Земля способны воздействовать друг на друга благодаря универсальному, всеобщему, вездесущему, сверхтонкому флюиду, способному проникать в нервную субстанцию человека и наделять тело свойствами магнита.¹²

Мода на магнетизм коснулась и литературы,¹³ причем особую популярность идея снискала среди писателей-романтиков, дополнявших ее элементами мистики (А. Погорельский «Магнетизер» (1830), Н. И. Греч «Черная женщина» (1834)), а также обычно смешивающих такие явления, как месмеризм, гальванизм, химизм и электричество.¹⁴ Подобное синтетическое восприятие обыгрывает О. И. Сенковский в «Записках домового» (1835): «Вы знаете, — продолжал он громко, — что в природе есть теплота, магнитность, свет, электричество, то есть вы знаете, что ничего этого нет в природе, а есть одно вещество, чрезвычайно тонкое, чрезвычайно летучее, которое разлито везде и проникает все тела, даже самые плотные; для которого алмаз и золото то же, что губка для воды и воздуха <...> Оно то производит ощущение тепла, и тогда человек называет его теплотою; то вылетает из облака в виде громовой молнии или из натираемого стекла в виде серной искры, и тогда получает у людей имя электричества; то направляет один конец железной иглы к северу, а другой к югу, и тогда величают его магнитностью; то, наконец, поражает глаз своим блеском и называется светом».¹⁵

Нередко с помощью электромагнитных или физико-химических аналогий описывается авторами светских романтических повестей любовное чувство. Например, сравнение страсти с трудно прерываемой реакцией горения фосфора на воздухе использует А. А. Бестужев-Марлинский в повести «Испытание» (1830): «Время залечивает даже ядовитые раны ненависти; мудрено ли ж ему выдымить фосфорное пламя любви?»¹⁶ Пародийную зарисовку возникновения взаимной привязанности посредством «электризации» можно найти в уже упомянутых выше «Записках домового»: «Когда они (молодой человек и девица. — Е. Ф.) достаточно наэлектризованы, поставьте их лицом одного к другому: пусть они взглянут друг на друга; лишь только луч зрения приведет в сообщение их электричества, с той минуты они влюблены, они полетят друг к другу, как два облака, и будет гром, молния, удар и дождь».¹⁷ Метафора любви-притяжения также есть и в более раннем тексте Сенковского «Сентиментальное путешествие на гору Этну» (1833): «Вот, извольте видеть: магнетизм положительный, сочетаясь с отрицательным, произвел золото,

¹² Месмер Ф. Доклад об открытии животного магнетизма // Психическая энергия. 2014. № 1. С. 63. Перевод выполнен редакцией альманаха с немецкой книги: Mesmer F. A. Abhandlung über die Entdeckung des thierischen Magnetismus. Karlsruhe, 1781.

¹³ См. подробнее: Громбах С. М. Пушкин и медицина его времени. М., 1989. С. 140.

¹⁴ Последнее, впрочем, было характерно и для научной мысли начала XIX века. См., например, письмо Н. А. Бестужева брату Павлу (январь 1837 года): «... <...> еще в 1818-м году в „Сыне отечества“, кажется в ноябре или декабре, поместил статью „О электричестве в отношении к воздушным явлениям“ <...>. Я не мог тогда доказывать и не смел этого сделать, но имел предчувствие, что магнитность, электричество, гальванизм и даже притягательная сила суть не что иное, как только явления одной и той же силы. Это я сказал, оканчивая статью, — и что же? Ныне все это доказано: даже думают, что притягательная сила есть мать всех „явлений...“» (Бестужев Н. А. Статьи и письма. М.; Л., 1933. С. 257).

¹⁵ Сенковский О. И. Соч. барона Брамбеуса / Сост., вступ. статья и прим. В. А. Кошелева, А. Е. Новикова. М., 1989. С. 457.

¹⁶ Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 197.

¹⁷ Сенковский О. И. Соч. барона Брамбеуса. С. 460.

или начало мужское, и серебро, то есть начало женское, которые беспрестанно тяготеют друг на друга...».¹⁸ Сопоставление влечения с электрическим рядом встречается в «Сказках о кладах» (1829) О. М. Сомова: «Тогда, собрав всю бодрость девического своего сердца, она вышла к гостям; но приближение и первый звук голоса ее избавителя снова вызвали ту же краску на ее лице и тот же легкий, электрический трепет по всему ее телу».¹⁹

Детально использование клише магнетической/электрической любви проанализировано в статье А. Г. Гродецкой «Магнетический сеанс в „Обломове“ (к проблеме исторического времени в романе)».²⁰ Рассмотрим два важных тезиса, развернутых в этом исследовании.

1) Уже в пушкинскую эпоху мотив магнетизма воспринимался как романтический шаблон и применялся чаще в ироническом контексте.²¹

Подобное пародийное употребление образа можно встретить в «Обыкновенной истории». Слушая рассказ племянника о чувствах к Надиньке, Петр Адуев иронизирует над ним: «Без сомнения, действие электричества; влюбленные — все равно что две лейденские банки: оба сильно заряжены; поцелуями электричество разрешается, и когда разрешится совсем — прости любовь, следует охлаждение...» (1, 239).

2) Эпизодически Гончаров прибегает к жанрово-стилевому клише магнетической любви без иронического обыгрывания.

Одним из таких исключений являются ранние работы писателя. Например, вне пародийного дискурса возникает мотив в светской повести «Счастливая ошибка» (1839), где повествователь рассуждает о «разбитом, уничтоженном», «неспособном более к электрическому трепету сладостного чувства» сердце героя. В другом случае речь идет о магнетическом мифе, воспроизведенном автором на страницах «Обломова»: «Он в самом деле смотрел на нее как будто не глазами, а мыслью, всей своей волей, как магнетизер, но смотрел невольно, не имея силы не смотреть <...> „Да, я что-то добываю из нее, — думал он, — из нее что-то переходит в меня. У сердца, вот здесь, начинает будто кипеть и биться... Тут я чувствую что-то лишнее, чего, кажется, не было...“» (4, 198–199). В произведении, опубликованном в 1859 году, животный месмеризм может восприниматься как анахронизм, «литературно-книжный элемент», а его включение в текст связано с тем, что роман создавался продолжительное время: замысел книги возник у писателя в 1840-е годы, первая ее часть закончена вчерне к 1850-му, а чистовая рукопись сформирована лишь в 1857–1858 годах. Таким образом, в приведенном отрывке, по всей видимости, сохранились следы ранних этапов работы.²² Тем не менее встречающиеся в эпистолярной Гончарова 1850-х годов магнетические параллели, в том числе клише «магнетического взгляда», ставят под сомнение случайность включения данного мотива в структуру «Обломова». Остановимся на этом подробнее, обратившись для начала к истории явления.

Мотив магнетического взгляда

Представление о взгляде как источнике некой силы, способной оказать влияние на другую личность, органически связано с практиками месмеризма. По некоторым выдержкам из сочинений теоретиков учения можно

¹⁸ Там же. С. 153.

¹⁹ Сомов О. М. Были и небылицы. М., 1984. С. 197.

²⁰ Гродецкая А. Г. Магнетический сеанс в «Обломове». С. 28–34.

²¹ Подробнее об этом см.: Громбах С. М. Пушкин и медицина его времени. С. 142–143.

²² См. об этом: Гродецкая А. Г. Магнетический сеанс в «Обломове». С. 32–33.

понять, что «зрение в организме есть то же самое, что сияние Солнца в общем мире», подобно тому как электрическое напряжение между Солнцем и Землей создает дневной свет, так и глаз производит «собственный, внутренний свет, однокачественный с внешним», благодаря взаимодействию нервной оболочки с сосудистой, т. е. положительно заряженного органа с отрицательным.²³ Считалось, что магнетизер может воздействовать на другого человека только «пристальным взором» и «устремлением на него мыслей своих»,²⁴ таким образом испуская на больного некую субстанцию, аналогичную электричеству.²⁵

Отголоски этого представления нашли свое воплощение в литературе 1830-х годов. Так, в незавершенной книге М. Ю. Лермонтова «Вадим» (1832–1834) читаем: «Между тем горбатый нищий молча приблизился и устремил яркие черные глаза на великодушного господина; этот взор был остановившаяся молния, и человек, подверженный его таинственному влиянию, должен был содрогнуться и не мог отвечать ему тем же, как будто свинцовая печать тяготела на его веках; если магнетизм существует, то взгляд нищего был сильнейший магнетизм».²⁶ Романтики верили, что пристальный взгляд, направленный на человека, может заставить того обернуться, подобная ситуация описывается в романе Греча «Черная женщина»: «Алимари утверждал, что можно одною волею принудить человека, который на вас не смотрит, оглянуться и отвечать вам взором. Он утверждает, что для этого должно только смотреть на человека несколько секунд пристально, хотя бы с тылу, и думать о нем исключительно».²⁷ В редких случаях магнетическое зрение могло подчинить себе, например заставить успокоиться: «...наслышавшись о магнетизме и о страшном действии моих глаз, они были уверены, что только их магическая сила смирила буйного посетителя...».²⁸

Схожий мотив гипнотического взгляда, побуждающего выполнить определенное действие, обнаруживается в эпистолярии Гончарова 1850-х годов, во время наиболее напряженной работы над текстом «Обломова».²⁹ В письме к Толстой, датированном 11 октября 1855 года, автор сообщает: «Не сетуйте, что, несмотря на магнетизм Ваших глаз, на вибрацию Вашего голоса, чем всем Вы так могущественно на меня действуете и чем Вы выразили (невольно) желание, чтоб я *почал* альбом...».³⁰ Кроме того, корреспонденция середины 1850-х свидетельствует о том, что романист интересовался магнитотера-

²³ Животный магнетизм, представленный в историческом, практическом и теоретическом содержании / Первые две части переведены из немецкого сочинения проф. Клуге, а третью сочинил Д. Велланский. СПб., 1818. С. 320–321.

²⁴ Там же. С. 22.

²⁵ Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. (Справочный энциклопедический лексикон): В 3 т. СПб., 1864. Т. 2. С. 758–759.

²⁶ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1981. Т. 4. С. 9.

²⁷ Греч Н. И. Черная женщина. М., 2020. С. 81 (сер. «Литературные памятники»).

²⁸ Дружинин А. В. Сентиментальное путешествие // Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1867. Т. 8. С. 65.

²⁹ За полтора месяца лечения на водах Мариенбада в 1857 году Гончарову удается завершить большую часть книги, и, что наиболее важно, к этому времени формируется любовный сюжет романа, коррелирующий с романтическим эпистолярием писателя. В письме И. И. Лъховскому от 2 (14) августа 1857 года Гончаров сообщает: «...31 июля у меня написано было моей рукой 47 листов! Я закончил первую часть, написал всю вторую и въехал довольно далеко в третью часть. <...> Поэма изящной любви кончена вся: она взяла много времени и места» (Гончаров И. А. Письма к И. И. Лъховскому (1857–1860) / Публ. А. И. Груздева // Литературный архив. Л., 1951. Т. 3. С. 118).

³⁰ Письма И. А. Гончарова к Елизавете Васильевне Толстой / Публ. П. Н. Сакулина // Голос минувшего. 1913. № 11. С. 225. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера журнала римскими и страницы арабскими цифрами.

пией.³¹ Подробную схему лечения магнитом содержит одно из писем Ю. Д. Ефремовой (от 18 мая 1855 или 1856 года): «Вот магнит: надо осторожно отделить железную пластинку прочь и приложить (к шее, близ лопаток) тот конец, над которым есть надрез, а другой конец не прикладывать, а держать на весу; держать надо до тех пор, пока почувствуется облегчение. По окончании опять приложить пластинку на свое место и спрятать магнит; если боль возобновится, повторять то же самое».³² Подобные параллели в эпистолярной и творчестве одного периода подтверждают вероятность намеренного обращения к теме магнетизма в «Обломове». По всей видимости, мотив не является просто следом раннего этапа работы, а сознательно используется автором в процессе создания любовного сюжета романа. И хотя из-за утраты некоторых рукописей реконструкция допечатной истории текста затруднена, кажется заслуживающим внимания тот факт, что, внося правку, писатель отказывается от магнетических мотивов, возникающих, например, при описании Штольца (см. варианты чернового автографа: «Его нельзя было подкупить никакой тайной, <...> начиная от месмеризма до вертящихся столов включительно»; 5, 254–255), оставляя в конечном тексте только месмерический миф, связанный с «поэмой любви».

Устойчивая метафора подчиняющего магнетического взора, задействованная во втором из романов Гончарова, также актуализирует онтологическую оппозицию воли и безволия,³³ характерную для любовного конфликта эпохи романтизма, и может быть связана с редким образом «слез-проводников». Рассмотрим данные идеи ниже.

Оппозиция воли и безволия

Значимые принципы, ставшие фундаментом концепции романтической любви, возникли еще в античности, а затем получили распространение в средневековой рыцарской литературе, которой в свою очередь вдохновлялись писатели эпохи романтизма. Приведем небольшую цитату, демонстрирующую, на наш взгляд, ключевые идеи *невольности* и *предрешенности*, лежащие в основе классической сюжетной схемы греческого романа и унаследованные романтической беллетристикой XIX века: «...юноша и девушка, <...> неожиданно встречаются друг с другом <...>, вспыхивают друг к другу *внезапной* и *мгновенной* страстью, *непреодолимую*, как рок».³⁴ Непредсказуемость чувства, его неотвратимость создают ощущение неконтролируемости, а потому любовь (как и любое сильное душевное переживание вообще) уподобляется романтиками стихии, играющей волей и поведением человека,³⁵ или неожиданной болезнью.³⁶ Подобным образом описывается страсть в романе Ф. В. Булгарина «Иван Иванович Выжигин» (1829): «Любовь есть болезнь:

³¹ Метод лечения магнитом, близкий идеям месмеризма.

³² ИРЛИ. № 2537. Л. 5.

³³ Вспомним, как смотрит на Ольгу Илья Ильич — «невольно, не имея силы не смотреть» (4, 198).

³⁴ Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб., 2000. С. 12. Курсив мой. — Е. Ф.

³⁵ Ю. В. Манн отмечает «байронический» характер этого параллелизма, что хорошо ощущалось современниками. См. подробнее: Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М., 1995. С. 127.

³⁶ При этом субъект, утрачивая собственную волю, живет духом другого. Истинная любовь не скована физическими условностями, безвременна и вечна: «Что такое болезнь? Победа тела над духом, от которой победитель умирает. Этого победителя вдруг оковывает *дух* другого, переходит в него, живет одною с ним жизнью и дает ему жизнь свою» (Полевой Н. А. Эмма // Московский телеграф. 1834. Ч. 55. С. 256).

лихорадочное состояние тела, производящее помрачение в уме». ³⁷ «Любовь — прилипчивая болезнь», — заверяет рассказчик в «Испытании» (1830) Бестужева-Марлинского. ³⁸ «Почти без воли и ведома» героев слетают с их уст взаимные клятвы в романе Греча «Черная женщина». ³⁹ Интересное отождествление романтической привязанности с магнетической силой, предопределяющей судьбу (полюбить друг друга могут только «сородные», т. е. схожие по заложенной в них природой «стихии»), обнаруживается в повести Н. А. Полевого «Эмма» (1834): «...главная из сих стихий есть Любовь; <...> каждый есть представитель какой-либо стихии и <...> сородные индивидуальности мужчины и женщины, созданные по одной стихии, производят те магнетические явления...». ⁴⁰

Многочисленны подобные клишированные романтические мотивы любви-болезни и страсти-стихии в творчестве и эпистолярной Гончарова. ⁴¹ «Признаки душевной бури и физического недуга» видны на лице влюбленного Адуева, героя одной из ранних повестей (1, 89). «Болезненно ноют» души Александра и Надиньки в «Обыкновенной истории» (1, 261). О любви-оспе, привитой им с Ольгой Штольцем, рассуждает Обломов (4, 338). «Безотчетное, рождающееся, как болезнь» (4, 381) чувство любви упоминает повествователь, описывая развитие отношений Агафьи Матвеевны и Ильи Ильича.

Метафора стихийной любви-болезни неоднократно возникает в романтической переписке с Е. В. Толстой: «Я вчера видел Вас во сне: я будто ждал Вас... <...> нетерпение мое возросло до болезни...» (XII, 236–237; письмо от 14 ноября 1855 года), «тоска, мечты, слезы — всё это симптомы известной болезни» (XI, 221; письмо от 19 сентября 1855 года). После отъезда возлюбленной в Москву 18 октября 1855 года, в одном из писем, озаглавленном «Pour и contre», некий вымышленный «друг» делится своими искренними переживаниями: «Я болен ею, пошли поскорей за лекарем: мне стало как-то тесно на свете жить: то кажется, что я стою в страшной темноте, на краю пропасти, кругом туман...» (XII, 228). ⁴²

В письме Е. А. и С. А. Никитенко от 16 (28) августа 1860 года, говоря об игре сил «от рождающегося чувства любви», о «припадках жизненной лихорадки», романтист, иронизируя, сравнивает любовь с «лихой болезнью», т. е. эпилепсией. ⁴³ «А наши бабушки, и даже матушки, не знали этого, называли vaguement экзальтацией, терялись, думая, что это какая-нибудь лихая болезнь, мечтали, глядели на луну, плакали и тем отделялись, а иные даже свихивались с ума». ⁴⁴

Тяготение Гончарова к романтически-шаблонному изображению страсти как стихийной силы, не подвластной человеку, заставляющей его страдать, отмечает Л. С. Гейро: «Так в поэтике любовных сцен „Обрыва“ определяющими становятся аналогии разрушительных процессов, происходящих

³⁷ Булгарин Ф. Полн. собр. соч.: [В 7 т.]. СПб., 1839. Т. 1. С. 160.

³⁸ Бестужев-Марлинский А. А. Соч. Т. 1. С. 216.

³⁹ Греч Н. И. Черная женщина. С. 120.

⁴⁰ Полевой Н. А. Эмма. С. 410.

⁴¹ Согласно комментариям в Полном собрании сочинений и писем, мотив любви-болезни у Гончарова также предположительно имеет предромантический контекст и восходит к роману Ж. Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» (см. об этом подробнее: 6, 571–572; а также: Гродецкая А. Г. Проза И. А. Гончарова. С. 186–188).

⁴² Об истории создания и художественных особенностях «Pour et contre» см. подробнее ниже, в статье О. В. Макаревич «Контексты письма-исповеди («Pour et contre» И. А. Гончарова)», с. 65–74.

⁴³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 1. С. 112.

⁴⁴ Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 353. Vaguement (фр.) — неопределенно, неясно.

в природе и в душе героев, охваченных страстью. По мере развития основного конфликта романа разбушевавшаяся стихия становится символом бурь, потрясающих человеческую душу...».⁴⁵ В эпистолярной Гончарова встречаются аналогичные романским рассуждения о страсти-безобразии, страсти-драме и борьбе, ср. одно из писем, отправленных С. А. Никитенко 21 августа (2 сентября) 1866 года, во время продолжительной работы над «Обрывом»: «Вы говорите, что я только знаю *безобразие* страсти, а не *красоту* ее: это не совсем так. Страсть всегда безобразна, красоты в ней быть не может, или она — не страсть. Судя по нескольким фразам, которыми Вы старались определить страсть, я вижу, что Вы разумеете не страсть, то есть борьбу, драму...».⁴⁶

Помимо прочего, столкновение героев Гончарова с неожиданными стихийными проявлениями человеческой природы зачастую погружает их в особое состояние «атрофии воли», что рассматривается М. В. Отрадиным как характерный признак «гамлетовской ситуации».⁴⁷ Несомненно интересна философия этого типа героя и самому писателю. Проблеме понимания и исполнения «Гамлета» на русской сцене Гончаров посвятил отдельную статью, не опубликованную при его жизни.⁴⁸ С принцем Датским прямо сравнивает себя Райский, проваливший урок нравственного воспитания Ульяны Андреевны: «„Всякий, казалось ему, бывает Гамлетом иногда!“ Так называемая „воля“ подшучивает над всеми!» (7, 444). Однако рассуждение о слабости человека перед стихией чувства, о его бессилии и невозможности противостоять душевным порывам очень близко по своей сути романтическому коду безволия: в аналогичном ключе выстраиваются как размышления Гончарова о свойствах Гамлета («...это неуловимые в обыкновенном, нормальном состоянии души явления. Их нет тогда в состоянии покоя: они рождаются от прикосновения бури, под ударами, в борьбе»⁴⁹), так и внутренний монолог поддавшегося искушению Бориса Райского («Нет воли у человека <...> А то, что называют волей, — эту мнимую силу, так она вовсе не в распоряжении своего господина, „даря природы“, а подлежит каким-то посторонним законам и действует по ним, не спрашивая его согласия. Она, как совесть, только и напоминает о себе, когда человек уже сделал не то, что надо, или если он и бывает тверд волей, так разве случайно или там, где он равнодушен»; 7, 444–445).

Оппозиция воли и безволия, заложенная в романтическом конфликте, порождает и более частную проблему — неравенства любовных отношений. Куртуазное служение Прекрасной Даме не предусматривает обязательности ответного чувства: охваченный истинной страстью бледен, мало спит и может умереть от неразделенной любви.⁵⁰ В некоторой степени этот кодекс полной самоотдачи объекту обожания также воспроизводит и русская романтическая литература — ср., например, с повестью Полевого «Эмма»: «Вы молчите: верно вы никогда не любили, не знаете любви, этого совершенного уничтожения воли, не знаете субъективной жизни чужою жизнью».⁵¹

⁴⁵ Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...»... С. 163.

⁴⁶ Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 362.

⁴⁷ Отрадин М. В. «На пороге как бы двойного бытия...»: О творчестве И. А. Гончарова и его современников. СПб., 2012. С. 156–160.

⁴⁸ Гончаров И. А. Опять «Гамлет» на русской сцене: набросок статьи о понимании и исполнении на сцене «Гамлета» // Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 197–207.

⁴⁹ Там же. С. 203–204.

⁵⁰ Смолицкая О. В. Куртуазная любовь // Словарь словесной культуры. М., 2003. С. 65–67.

⁵¹ Полевой Н. А. Эмма. С. 255.

Ситуация неравной любви у Гончарова разрешается через добровольное, жертвенное подчинение одного персонажа другому. Например, Ольга составляет детальный план перевоспитания Обломова, решая, что можно позволить возлюбленному, а от каких привычек следует отказаться: «У ней <...> развился уже подробный план, как она отучит Обломова спать после обеда, да не только спать, — она не позволит ему даже прилечь на диване днем...» (4, 205). Полон решимости принести в дар собственную волю Райский в отношениях с Верой «...буду другом, братом — чем хочешь, требуй жертв» (7, 345). Готовность «послушания» демонстрирует Адуеву романтически влюбленная в него Лиза:

«— Говорите, говорите... — сказала она с детской покорностью, — я готова слушать вас целые дни, повиноваться вам во всем...

— Мне? — сказал Александр холодно, — помилуйте! какое я имею право располагать вашей волей?» (1, 402).

Опыт рыцарского служения Даме в какой-то мере не чужд и самому писателю. Готовностью угодить возлюбленной в самых простых мелочах: прислать альманах, показать альбом, взять на себя хлопоты с починкой кольца — пронизана переписка с Толстой. В куртуазно-романтическом стиле обыгрываются подписи к некоторым из писем: «Преданный Вам по гроб включительно *И. Гончаров*» (XI, 215; письмо от 22 августа 1855 года) или «Кланяюсь Вам до земли, и даже ниже / преданнейший из преданных *Гончаров*» (XI, 220; письмо от 8 сентября 1855 года).

По всей видимости, не была лишена романтического ореола и более поздняя «страсть» писателя — таинственная Агр. Ник., о чем косвенно свидетельствует корреспонденция периода их отношений. Так, в письме 1868 года к Тургеневу Гончаров высоко оценивает недавно опубликованного в январском номере «Вестника Европы» «Бригадира».⁵² Однако позднее он усматривает в произведении некоторые оскорбительные намеки. Жертвенная любовь⁵³ protagonista повести рассматривается как пародия на собственные чувства:⁵⁴ в августе 1869 года Гончаров сообщает С. А. Никитенко, что у «Бригадира» есть некоторое «моральное, особенное значение»,⁵⁵ вероятно намекая в том числе на сходство имен героини и Агр. Ник.⁵⁶

Метафора слез-проводников

С магнетическим мифом эпохи романтизма, вероятно, также связан вторяющийся мотив слез (или глаз) как проводников эмоций, как минимум трижды возникающий у Гончарова. Первый раз — в повести «Счастливая ошибка»: «Одна слеза была бы лучшим проводником чувства, красноречивым оправданием чистоты сердца!..» (1, 77). Второй — в одном из романтически восторженных описаний, принадлежащих Адуеву-младшему: «А когда она поднимет глаза, вы сейчас увидите, какому пылкому и нежному сердцу служат они проводником!» (1, 236). Третий — в переписке с Толстой:

⁵² Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 372 (письмо от 10/22 февраля 1868 года).

⁵³ Защищая честь любимой женщины, Василий Фомич даже готов взять на себя вину за смерть дворецкого.

⁵⁴ См. об этом подробнее: Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко. С. 221.

⁵⁵ Там же. С. 219.

⁵⁶ «Что ты там об Аграфене Ивановне толкуешь? — воскликнул вдруг бригадир, и голова его поднялась, белые брови нахмурились... — Ты смотри у меня! И какая она тебе Аграфена? Агриппина Ивановна — вот как надо... ее называть» (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981. Т. 8. С. 46*).

«Вы знаете — к чему проводник — слезы...» (XI, 230; письмо от 25 октября 1855 года).

Традиция изображения слез в качестве знака проявления чувствительности может рассматриваться как дань эпохе сентиментализма. Целую гамму чувств от «нежной скорби» до «любви» выражают с помощью них, например, герои Н. М. Карамзина. Тем не менее концепция слез как проводящей среды между душой и глазами человека созвучна идеям животного месмеризма. Представление о жидкости как проводнике — одно из центральных понятий магнетической теории. Как некая жидкая субстанция воспринимался месмеристами всепроникающий летучий эфир, взаимодействующий с природными объектами и нервной системой человека.⁵⁷ Магнетизированной воде отводилась особая роль, она нередко использовалась во время сеансов как усиливающее терапию лечебное средство.⁵⁸

Отдельное внимание уделялось человеческому глазу — органу, способному, с точки зрения месмеризма, не только выделять особую магнетическую субстанцию, но «живому орудию самого всеобъемлющего чувства, в котором <...> как в самом верном зеркале, ярко отсвечивается душа во всех ее состояниях».⁵⁹ Сама же душа, в соответствии с теорией Платона, разделялась на две составляющих ее части — животную и собственно разумную, бессмертную. Именно первая из них, т. е. животная, представляющая собой «сцепление нервных узлов, расположенных за желудком близ сердцевой полости», была ответственна за производство «магнетического раздражения», а также за развитие воображения, эмоций и интуиции. Особенно силен «животный ум», по мнению месмеристов, у дикарей и женщин.⁶⁰ Согласно «Любопытному отрывку из моих записок» Ф. Н. Глинки, княгиня Голицына, введенная в состояние гипнотического сна, сообщает, что у нее образовался «слезный завал» из-за подавления чувств: «Когда я грустила о князе (о своем женихе), то не плакала и слезы пали камнем у сердца».⁶¹

В литературе первой половины XIX века точная метафора «слез-проводников» достаточно редка⁶² и несет на себе флер именно «романтического» месмеризма: слезы не только «проводят» определенную эмоцию, но и способны управлять волей и ощущениями другого человека. Подобная аналогия встречается у П. П. Каменского, писателя школы Бестужева-Марлинского: «...она смотрела на эти слезы как лучшие проводники между душою, волею Энского и ее участием, мыслию подействовать на них и исправить его».⁶³ Глаза-проводники также упоминаются в романе А. Никитина «Теодор Станиславский» (1838): «Эти глаза <...> только что оставили слезы, и оттого безжизненны эти голубые, пламенные, быстрые проводники сердечных впечатлений».⁶⁴ Как и в произведении Каменского, мотив развивается в магнетическом контексте, роман наполнен рассуждениями о таинственной силе

⁵⁷ «Главное орудие чувствительности нервов есть тот живительный их сок, та летучая эфирная жидкость, по-видимому содержащая в себе даже начало света...» (Сенковский О. И. Черная женщина и животный магнетизм. По поводу романа «Черная женщина» Н. Греча (1834) // Греч Н. И. Черная женщина. С. 366).

⁵⁸ Животный магнетизм, представленный в историческом, практическом и теоретическом содержании. С. 253–254.

⁵⁹ Галич А. Картина человека, опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий. СПб., 1834. С. 88.

⁶⁰ Сенковский О. И. Черная женщина и животный магнетизм... С. 369–370.

⁶¹ Записка Ф. Н. Глинки о магнетизме / Публ. В. М. Воковой // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2001. [Т. XI]. С. 30.

⁶² По данным Google Books, встречается всего дважды.

⁶³ Каменский П. П. Искатель сильных ощущений. СПб., 1839. Ч. II. С. 208.

⁶⁴ Никитин А. Теодор Станиславский. М., 1838. Ч. II. С. 86.

месмеризма, его влиянии на способность предчувствия, а также о Душе — главным «проводнике впечатления мира духовного на мир физический».⁶⁵

Анализ всех вышеперечисленных мотивов в эпистолярной и художественных текстах Гончарова позволяет заключить, что использование романтических клише не является чертой исключительно раннего творчества писателя, а потому не может считаться только следом одной из первых редакций текста, избежавшей авторской правки. Романтическое мировосприятие — органичная часть стиля Гончарова, характерная как для переписки, так и для его произведений: чаще всего реальные и художественные события разворачиваются параллельно, письма становятся творческими этюдами, где продолжается развитие отдельно взятого мотива или образа. Вместе с тем в гончаровской прозе и корреспонденции генерализован широкий романтический пласт, включающий достаточно редкие для русской литературы мотивы «магнетической любви» и «слез-проводников», что открывает новые возможности для историко-литературного комментария.

⁶⁵ Там же. С. 65.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-56-65

© Н. В. КАЛИНИНА

«А МУЖИКОВ ОТПУСТИТЬ НА ВОЛЮ...» (ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА К РОМАНУ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»)

Внутренняя хронология и исторический диапазон повествования в романах И. А. Гончарова — одна из тем, обсуждение которой началось еще при жизни писателя. Наиболее изученным в отношении хронологической организации прозы Гончарова по-прежнему остается роман «Обломов», о чем, подводя промежуточные итоги полемики, писала Т. Б. Ильинская: «Важность временных мотивов у Гончарова <...> отмечена еще в работах XIX века (например, у К. К. Арсеньева: «обилие ретроспективных взглядов» и у Д. С. Мережковского: «Поэзия прошлого»). Позже предпринимались попытки объяснить гончаровскую поэтику спецификой авторского переживания. <...> Роман „Обломов“ — наиболее исследованное в темпоральном аспекте произведение Гончарова, однако сложность временной организации этого шедевра порождает ряд проблем <...>. В „Обломове“ множество указаний на время <...> отсутствуют лишь даты, за исключением единственной в самом начале текста («Ведь сегодня первое мая...»). Гончароведы уже предпринимали попытки расставить в романе исторические вехи. <...> Вместе с тем эти попытки <...> представляются недостаточно убедительными. <...> Видимо, следует признать, что художественному миру Гончарова чужда историческая конкретика <...>. Более того, порой он насыщен анахронизмами, что особенно заметно в романе „Обрыв“, где „человек 40-х годов“ и „человек 60-х годов“ волею автора становятся почти ровесниками».¹

¹ Ильинская Т. Б. Категория времени в романе «Обломов» (К истории вопроса) // Русская литература. 2002. № 3. С. 38–39.

12. *Elin Iu.* Pushkin-knigoliub // Nash venok Pushkinu: Al'manakh / Khaifskii bibliofil. Khafa, 2001. Vyp. 1 / Sost. B. Zil'bershtein.
13. *Fedotov G. P.* Pevets imperii i svobody // Pushkin v russkoi filosofskoi kritike: Konets XIX — pervaya polovina XX v. M., 1990.
14. *Fomichev S. A.* «Kamchatka — strana pechal'naia...» // Fomichev S. A. Pushkinskaia perspektiva. M., 2007.
15. *Gromova A. V.* Katalog biblioteki P. Ia. Chaadaeva // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 2001. T. 71. № 12.
16. *Il'ina O. N.* «...Nachitanost' ego byla izumitel'na»: kniga i chtenie v zhizni F. I. Tiutcheva // Bibliotechnoe delo. 2003. № 12.
17. *Lobanova E. F.* Mikhailovskaia biblioteka Pushkina: Popytka rekonstruktsii kataloga / Predislovie L. V. Sergeevoi. M., 1997.
18. *Lotman Iu. M.* Aleksandr Sergeevich Pushkin: Biografiia pisatel'ia // Lotman Iu. M. Pushkin: Biografiia pisatel'ia. Stat'i i zametki, 1960–1990. «Evgenii Onegin»: Kommentarii. SPb., 1995.
19. *Mitnik M.* Sud'ba lichnoi biblioteki A. S. Pushkina // Mitnik M. Pushkin bez legend. N'iu-Iork, 1994.
20. *Modzalevskii L. B.* Biblioteka Pushkina: Novye materialy // Lit. nasledstvo. 1934. T. 16/18.
21. *Mur'ianov M. F.* Pushkin i Pesn' Pesnei // Vremennik Pushkinskoi komissii. 1972. L., 1974.
22. *Ornatskaia T. I.* Biblioteka Pushkina // Byt pushkinskogo Peterburga: Opyt entsiklopedicheskogo slovaria / Rukovoditel' proekta I. S. Chistova. SPb., 2003. [T. 1]. A–K.
23. *Paskal' B.* Mysli. SPb.: Severo-Zapad, 1995.
24. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. M.; L., 1937–1949. T. 2. Kn. 1; 3. Kn. 1; 9. Kn. 1; 11, 12, 13, 14.
25. Pushkin v vospominaniakh sovremennikov: V 2 t. 3-e izd., dop. SPb., 1988. T. 1.
26. Pushkinskaia entsiklopediia: proizvedeniia. SPb., 2020. Vyp. 4.
27. *Vatsuro V.* «Knig, radi Boga, knig!» (A. S. Pushkin) // «Oni pitali moi u muzu...» Knigi v zhizni i tvorchestve pisatelei. M., 1986.
28. *Zemskov V. B.* Khroniki konkisty Ameriki i letopisi vziatii Sibiri v tipologicheskom сопоставlenii (k postanovke problemy) // Russkaia literatura. 1995. № 3.

Елена Михайловна Филиппова

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Mihajlovna Filippova

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5347-2293

e filippova69@gmail.com

«МАГНЕТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ» И «СЛЕЗЫ-ПРОВОДНИКИ»: РОМАНТИЧЕСКИЕ КЛИШЕ В ЭПИСТОЛЯРИИ И ТВОРЧЕСТВЕ И. А. ГОНЧАРОВА

MAGNETIC LOVE AND TEARS-GUIDES: ROMANTIC CLICHES IN THE EPISTOLARY AND LITERARY LEGACY OF I. A. GONCHAROV

Многие исследователи обращали внимание на автобиографизм прозы И. А. Гончарова, прослеживая образные и цитатные параллели в эпистолярной и художественных текстах. Тем не менее в определенных случаях письма и произведения могут находиться в типологической, а не реминисцентной связи, обращаясь к третьим источникам, например, заимствуя готовые романтические формулы светской повести 1830-х годов (повторяющиеся мотивы любви-электричества, страсти-болезни, магнетического/гипнотического взгляда и неравной любви). Задача данной статьи — дать более полное представление о возникновении магнетических аналогий в романтической

беллетристике начала XIX века, а также проанализировать схожие типологические параллели в эпистолярной Гончарова.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, эпистолярный, романтизм, магнетизм, светская повесть, клише.

A number of researchers have repeatedly commented on the autobiographical nature of I. A. Goncharov's prose, tracing figurative and quotation parallels in his epistolary and literary texts. Nevertheless, in certain cases, his letters and works feature typological rather than reminiscent connections, engaging with external sources, e. g. borrowing ready-made romantic formulas of the secular novels of the 1830s. Samples of such borrowings are the recurring motifs of love-electricity, passion-ailment, magnetic/hypnotic gaze and unequal love. Therefore, this article is an attempt to offer a more comprehensive understanding of the emergence of magnetic analogies in the Romantic fiction of the early 19th century, as well as to analyze similar typological parallels in Goncharov's epistolary legacy.

Key words: I. A. Goncharov, epistolary, Romanticism, magnetism, secular story, cliché.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб., 2000.
2. Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 1.
3. Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...» (Творческая история романа «Обрыв») // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования.
4. Гончаров И. А. Письма к И. И. Лъховскому (1857–1860) / Публ. А. И. Груздева // Литературный архив. Л., 1951. Т. 3.
5. Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко / Публ. Л. С. Гейро // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978.
6. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2017. Т. 1, 6, 15.
7. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8.
8. Греч Н. И. Черная женщина. М., 2020 (сер. «Литературные памятники»).
9. Гродецкая А. Г. Магнетический сеанс в «Обломове» (к проблеме исторического времени в романе) // Art Logos. 2018. № 2 (4).
10. Гродецкая А. Г. Проза И. А. Гончарова: 1830–1860-е (биографика, контекст, поэтика). Дис. ... доктора филол. наук. СПб., 2016.
11. Гродецкая А. Г. Реминисценции «Новой Элоизы» в финальных главах «Обломова» и «Что делать?» (еще о «тоске» Ольги Ильинской в «крымской» главе романа Гончарова) // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 2012–2013. Вып. 31.
12. Громбах С. М. Пушкин и медицина его времени. М., 1989.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 1.
14. Записка Ф. Н. Глинки о магнетизме / Публ. В. М. Боковой // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2001. [Т. XI].
15. Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997.
16. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1981. Т. 4.
17. Лоциц Ю. М. Слушание земли. М., 1988.
18. Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М., 1995.
19. Месмер Ф. Доклад об открытии животного магнетизма // Психическая энергия. 2014. № 1.
20. Недзвецкий В. А. Эпистолярный жанр в творчестве и в жизни Гончарова // Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2017. Т. 15.
21. Отрадин М. В. «На пороге как бы двойного бытия...»: О творчестве И. А. Гончарова и его современников. СПб., 2012.
22. Пруцков Н. А. Мастерство Гончарова-романиста. М.; Л., 1962.
23. Сенковский О. И. Соч. барона Брамбеуса / Сост., вступ. статья и прим. В. А. Кошелева, А. Е. Новикова. М., 1989.
24. Смолицкая О. В. Куртуазная любовь // Словарь словесной культуры. М., 2003.
25. Сомов О. М. Были и небылицы. М., 1984.
26. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981. Т. 8.
27. Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950.

References

1. Bakhtin M. M. Epos i roman. SPb., 2000.
2. Bestuzhev-Marlinskii A. A. Soch.: V 2 t. M., 1981. T. 1.
3. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka. M., 1956. T. 1.
4. Geiro L. S. «Soobrazno vremeni i obstoiatel'stvam...» (Tvorcheskaia istoriia romana «Obryv») // Lit. nasledstvo. 2000. T. 102. I. A. Goncharov. Novye materialy i issledovaniia.

5. *Goncharov I. A. Pis'ma k I. I. L'khovskomu (1857–1860)* / Publ. A. I. Gruzdeva // Literaturnyi arkhiv. L., 1951. T. 3.
6. *Goncharov I. A. Pis'ma k S. A. Nikitenko* / Publ. L. S. Geiro // *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1976 god*. L., 1978.
7. *Goncharov I. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 2017. T. 1, 6, 15.*
8. *Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1955. T. 8.*
9. *Grech N. I. Chernaia zhenshchina. M., 2020 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).*
10. *Grodetskaia A. G. Magneticheskii seans v «Oblomove» (k probleme istoricheskogo vremeni v romane)* // *Art Logos*. 2018. № 2 (4).
11. *Grodetskaia A. G. Proza I. A. Goncharova: 1830–1860-e (biografika, kontekst, poetika). Dis. ... doktora filol. nauk. SPb., 2016.*
12. *Grodetskaia A. G. Reministsentsii «Novoi Eloizy» v final'nykh glavakh «Oblomova» i «Chto delat'?» (eshche o «toske» Ol'gi Il'inskoi v «krymskoi» glave romana Goncharova)* // *Filologicheskie zapiski: Vestnik literaturovedeniia i iazykoznanii. Voronezh, 2012–2013. Vyp. 31.*
13. *Grombakh S. M. Pushkin i meditsina ego vremeni. M., 1989.*
14. *Krasnoshchekova E. A. I. A. Goncharov: Mir tvorchestva. SPb., 1997.*
15. *Lermontov M. Iu. Sobr. soch.: V 4 t. L., 1981. T. 4.*
16. *Loshchits Iu. M. Slushanie zemli. M., 1988.*
17. *Mann Iu. V. Dinamika russkogo romantizma. M., 1995.*
18. *Mesmer F. Doklad ob otkrytii zhivotnogo magnetizma* // *Psikhicheskaiia energiiia*. 2014. № 1.
19. *Nedzvetskii V. A. Epistolarnyi zhanr v tvorchestve i v zhizni Goncharova* // *Goncharov I. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 2017. T. 15.*
20. *Otradin M. V. «Na poroge kak by dvoynogo bytiia...»: O tvorchestve I. A. Goncharova i ego sovremennikov. SPb., 2012.*
21. *Prutskov N. A. Masterstvo Goncharova-romanista. M.; L., 1962.*
22. *Senkovskii O. I. Soch. barona Brambeusa / Sost., vstup. stat'ia i prim. V. A. Kosheleva, A. E. Novikova. M., 1989.*
23. *Smolitskaia O. V. Kurtuaznaia liubov' // Slovar' slovesnoi kul'tury. M., 2003.*
24. *Somov O. M. Byli i nebylitsy. M., 1984.*
25. *Tseitlin A. G. I. A. Goncharov. M., 1950.*
26. *Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Soch.: V 12 t. M., 1981. T. 8.*
27. *Zapiska F. N. Glinki o magnetizme / Publ. V. M. Bokovoi // Rossiiskii arkhiv: Istoriia otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv. M., 2001. [T. XI].*

Надежда Викторовна Калинина

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nadezhda Viktorovna Kalinina

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-9084-5191

hope.kalinina@gmail.com

«А МУЖИКОВ ОТПУСТИТЬ НА ВОЛЮ...» (ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА К РОМАНУ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»)

«AND LIBERATE THE MUZHIKS...» (A COMMENTATOR'S NOTES ON I. A. GONCHAROV'S NOVEL *THE PRECIPICE*)

Внутренняя хронология и темпоральный контекст художественной прозы И. А. Гончарова рассмотрены как один из приемов создания композиционной завершенности в романе «Обрыв». Художественное время произведения реконструируется посредством сопоставления временных моделей персонажей в точке пересечения с социально-историческими маркерами повествования. Особое внимание уделено указу «Об обязанных крестьянах» 1842 года.